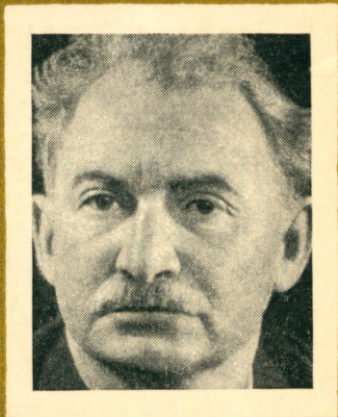

БИБЛИОТЕЧКА ИЗБРАННОЙ АМЕРИКИ

БОРИС
СЛУЦКИЙ

Библиотечка
избранной
лирики

БОРИС СЛУЦКИЙ

Издательство ЦК ВЛКСМ
„Молодая гвардия“
1965

Редакционная коллегия:

**И. ГРУДЕВ, Ю. ДРУНИНА,
С. НАРОВЧАТОВ, В. ОСИПОВ,
Б. РУЧЬЕВ, Я. СМЕЛЯКОВ,
Н. ТИХОНОВ, Вас. ФЕДОРОВ**

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

«Память», «Время», «Сегодня и вчера», «Работа» — всего четыре книги за двадцать пять — с перерывом на войну — лет поэтической работы. Немного? Немного. И много, судя по тому, что удалось сказать. Сказать по-своему, не переиначивая и не повторяя других. Слуцкого не спутаешь ни с кем.

Та линия, которую мы гнули,
Дорога, по которой юность шла,
Была прямою от стиха до пули —
Кратчайшим расстоянием была.

Это из стихотворения «Памяти Михаила Кульчицкого». И это не единственное стихотворение Слуцкого, посвященное памяти тех, кто не вернулся.

Но Время поэт понимает не только как Прошое, как Память. Кратчайшая линия стихов Слуцкого устремлена в Будущее.

Главное в этой линии — поэтическое выражение народной жизни. Этому подчинены и поэтические принципы Слуцкого:

«Лишь бы хватало за сердца, лишь бы дошло, лишь бы прожгло, лишь бы победе помогло»;

«Поэт — не телефонный, а телеграфный провод. Событие — вот законный для телеграммы повод. Восстания и войны, рождения и гибели единственно достойны, чтоб их морзянкой выбили. А вот для поздравления мне телеграфа жаль и жаль стихотворения на мелкую печаль»;

«Лишь бы дошло!» Значит ли это, что Слуцкий совершенно равнодушен к эстетической стороне своего дела? Нет. Речь идет о такой самозадаче, где главное — точная передача мысли, содержательность стиха.

Главная забота поэта — донести до читателя смысл. Отсюда нередкие вторжения самой обычной прозы — канцеляризмы и прочие «измы». Отсюда неприязнь к гладкописи и война с «жестоким» романсом, который прет с эстрады и находит еще поклонников. Конечно, Слуцкий мог бы писать и более «приятные» по форме стихи. Но тогда он не был бы Слуцким. Стих его угловат и занозист, поэт не боится сухости и резкости прямолинейно выраженной мысли. Критики заметили, что «порою его стихи напоминают речи политрука», «как бы стесняются быть стихами», потому что изо всех сил стремятся быть правдивыми.

Стихи Слуцкого гуманны, духоподъемны и патристичны, они находят отзвук в самой разнообразной аудитории — и среди ученых и среди рабочих. Не в этом ли и секрет их воздействия: перечитываешь и чувствуешь себя сильнее и добрее?

Да, мне нужны высокие слова:
Оплаканные, пусть потом осмеянные,
Чтобы от них кружилась голова,
Как будто горным воздухом овеванная,
Чтобы звенели медь и серебро
В заглавиях Свобода и Добро.

Вл. Сякин

1

ШКОЛА ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

В те годы утром я учился сам,
Но вечером преподавал историю
Для тех ее вершителей, которые
Историю вершили по утрам:
Для токарей, для слесарей, для плотников,
Встававших в полшестого, до гудка,
Для государства нашего работников,
Для деятелей стройки и станка.

Я был и тощ и невысок, а взрослые —
Все на подбор, и крупные и рослые,
А все-таки они день ото дня
Все терпеливей слушали меня.

Работавшие день-деньской, усталые,
Они мне говорили иногда:
— Мы пожилые. Мы еще не старые.
Еще учиться не ушли года. —
Работавшие день-деньской до вечера,
Карандашей запасец очиня,
Они упорно, сумрачно, и вежливо,
И терпеливо слушали меня.
Я факты объяснял, а точку зрения
Они, случалось, объясняли мне.

И столько ненависти и презрения
В ней было к барам, к Гитлеру, к войне!
Локтями опершись о подоконники,
Внимали мне, морщина глыбы лбов,
Чапаева и Разина поклонники,
Сторонники голодных и рабов.

А я гордился честным их усердием,
И сам я был внимателен, как мог.
И радостно, с открытым настежь сердцем
Шагал из института на урок.

МЕДНЫЕ ДЕНЬГИ

Я на медные деньги учился стихам,
На тяжелую гулкую медь.
И набат этой меди с тех пор не стихал,
До сих пор продолжает греметь.
Мать, бывало, на булку дает мне пятак,
А позднее — и два пятака.
Я терпел до обеда и завтракал — так,
Покупая книжонки с лотка.
Сахар вырос в цене или хлеб дорожал —
Дешевизною Пушкин зато поражал.
Полки в булочных часто бывали пусты,
А в читальнях ломились они
От стиха, от безмерной его красоты.
Я в читальнях просиживал дни.
Весь квартал наш меня сумасшедшим считал,

Потому что стихи на ходу я творил,
А потом на ходу с выраженьем читал,
А потом сам себе: — «Хорошо» — говорил.
Да, какую б тогда я ни плел чепуху,
Красота, словно в коконе, пряталась в ней.
Я на медную мелочь учился стишу —
На большие бумажки учиться трудней.

гудки

Я рос в тени завода
И по гудку, как весь район, вставал —
Не на работу: я был слишком мал —
В те годы было мне четыре года.
Но справа, слева, спереди — кругом
Ходил гудок. Он прорывался в дом,
Отца будя и маму поднимая.
А я вставал
И шел искать гудок, но за домами
Не находил:
Ведь я был слишком мал.

С тех пор, и до сих пор, и навсегда
Вошло в меня: к подъему ли, к обеду
Гудят гудки — порядок, не беда,
Гудок не вовремя приносит беды.

Не вовремя в тот день гудел гудок,
Пронзительней обычного и резче,

И в первый раз какой-то странный, вещий
Мне на сердце повеял холодок.

В дверь постучали, и сосед вошел,
И так сказал — я помню все до слова:
— Ведь Ленин помер. — И присел за стол.
И не прибавил ничего другого.
Отец вставал, садился, вновь вставал.
Мать плакала, склонясь над малышами.
А я был мал и что случилось с нами —
Не понимал.

«БРОНЕНОСЕЦ «ПОТЕМКИН»

Шел фильм.
И билетерши плакали
Над ним одним
По восемь раз,
И слезы медленные капали
Из добрых близоруких глаз.

Глазами горькими и грозными
Они смотрели на экран,
А дети стать стремились взрослыми,
Чтоб их пустили на сеанс.

Как много создано и сделано
Под музыки дешевый гром

Из смеси черного и белого
С надеждой, правдой и добром!

Свободу восславляли образы,
Сюжет кричал, как человек,
И пробуждались чувства добрые
В жестокий век,
В двадцатый век.

И милость к падшим призывалась,
И осуждался произвол.
Все вместе это называлось,
Что просто фильм такой пошел.

БАНЯ

Вы не были в районной бане
В периферийном городке!
Там шайки с профилем кабаньим
И плеск, как летом на реке.

Там ордена сдают вахтерам,
Зато приносят в мыльный зал
Рубцы и шрамы — те, которым
Я лично больше б доверял.

Там двое одноруких спины
Один другому бодро трут.

Там тело всякого мужчины
Исчеркали война и труд.

Там по рисунку каждой травмы
Читаю каждый вторник я
Без лести и обмана драмы
Или романы без вранья.

Там на груди своей широкой
Из дальних плаваний матрос
Лиловые татуировки
В наш сухопутный край занес.

Там я, волнуясь и ликуя,
Читал, забыв о кипятке:
«Мы не оставим мать родную!» —
У партизана на руке.

Там слышен визг и хохот женский
За деревянной стеной.
Там чувство острого блаженства
Переживается в парной.

Там рассуждают о футболе.
Там с поднятою головой
Несет портной свои мозоли,
Свои ожоги — горновой.

Но бедствий и сражений годы
Согнуть и сгорбить не смогли
Ширококостную породу
Сынов моей большой земли.

Вы не были в раю районном,
Что меж кино и стадионом?
В той бане парились иль нет?
Там два рубля любой билет.

ПЕРЕРЫВ

На строительстве был перерыв —
Целый час на обед и на роздых.
Полземли прокопав и прорыв,
Выбегали девчата на воздух.
Покупали в киоске батон,
Разбивали арбуз непочатый.
Это полперерыва. Потом
Полчаса танцевали девчата.

Патефон захрипел и ослаб,
Дребезжа перержавленной жестью, —
И за это покрыт был прораб
Мелодической руганью женской.

Репродуктор эфир начинал
Популярнейших песен словами.
Если диктор статью начинал,
Так они под статью танцевали.
Под звонок, под свисток, под гудок —
Лишь бы ноги ритмично ходили.

А потом отошли в холодок,
Посидели, все обсудили

И, косынками косы накрыв,
На работу — по сходням дощатым!
Вот как много успели девчата
За обеденный перерыв!

НА ВЫСТАВКЕ ДЕТСКИХ РИСУНКОВ

Откроются двери, и сразу
Врываешься в град мастеров,
Врываешься в царствие глаза,
Глядящего из-под вихров.
Глаз видит и пишет, как видит,
А если не выйдег — порвет.
А если удастся и выйдег —
На выставку тут же пошлет.
Там все, что открыто Парижем
За сотню последних годов,
Известно белесым и рыжим
Ребятам из детских садов.
Там тайная страсть к зоопарку,
К футболу открытая страсть
Написаны пылко и жарко,
Проявлены с толком и всласть.
Правдиво рисуется праздник:
Столица и спутник над ней.
И много хороших и разных
Зеленых и красных огней.
Правдиво рисуются войны:
Две бомбы и город кривой.

А что, разве двух не довольно?
Довольно и хватит с лихвой.
Чтоб снова вот эдак чудесить,
Желания большего нет —
Меняю на трижды по десять
Все тридцать пережитых лет.

ФИЗИКИ И ЛИРИКИ

Что-то физики в почете.
Что-то лирики в загоне.
Дело не в сухом расчете,
Дело в мировом законе.
Значит, что-то не раскрыли
Мы, что следовало нам бы!
Значит, слабенькие крылья —
Наши сладенькие ямбы,
И в пегасовом полете
Не взлетают наши кони...
То-то физики в почете,
То-то лирики в загоне.

Это самоочевидно.
Спорить просто бесполезно.
Так что даже не обидно.
А скорее интересно
Наблюдать, как, словно пена,

Опадают наши рифмы
И величие степенно
Отступает в логарифмы.

ПЛАСТИНКА

Долго играет долгоиграющая,
долго, словно поездка на долгих.
Дол и гора еще.
Дол и гора еще.
Долго..

Музыка — как по ухабам и рытвинам
путь
 без края, конца, предела.
Тонким, режущим душу, бритвенным
голосом
 женщина что-то пела.

Впрочем, неважно, что такое,
были бы звуки — острые, резкие.
Точное чувство непокоя
вдруг возникает в начале поездки.

Вдруг возникает и не оставляет
в медленном, словно вращенье земное,
в медленном ходе пластинки. Цепляет
что-то меня. Уходит со мною.

Музыка за руку провожает:
Словно колесами переезжает.

БЕРЕЗКА В ОСВЕНЦИМЕ

Березка над кирпичною стеной,
Случись, когда придется, надо мной!
Случись на том последнем перекрестке!
Свидетелями смерти не возьму
Платан и дуб.
И лавр мне ни к чему.
С меня достаточно березки.

И если будет осень, пусть листок
Спланирует на лоб горячий.
А если будет солнце, пусть восток
Блеснет моей последнею удачей.

Все нации, которые — сюда,
Все русские, поляки и евреи
Березкой восхищаются скорее,
Чем символами быта и труда.

За высоту, за белую кору
Тебя последней спутницей беру.
Не примирюсь со спутницей иною!
Березка у освенцимской стены!
Ты столько раз в мои вращалась сны.
Случись, когда придется, надо мною.

МОИ ТОВАРИЩИ

Сгорели в танках мои товарищи
до пепла, до золы, дотла.

Трава, полмира покрывающая,
из них, конечно, произросла.

Мои товарищи

на минах

подорвались,

взлетели ввысь,

и много звезд, далеких, мирных,
из них,

моих друзей,

зажглись.

Про них рассказывают в праздники,

показывают их в кино,

и однокурсники и одноклассники

стихами стали уже давно.

ДЕКАБРЬ 41-го ГОДА

Памяти Михаила Кульчицкого

Та линия, которую мы гнули,
Дорога, по которой юность шла,
Была прямою от стиха до пули —
Кратчайшим расстоянием была.
Недаром за полгода до начала
Войны мы написали по стиху

На смерть друг друга. Это означало,
Что знали мы. И вот — земля в пуху,
Морозы лужи накрепко стеклят,
Трещат, искрятся, как в печи поленья:
Настали дни проверки исполненья,
Проверки исполненья наших клятв.
Не ждите льгот, в спасение не верьте:
Стучит судьба, как молотком бочар,
И Ленин учит нас презренью к смерти,
Как прежде воле к жизни обучал.

ДЕЖУРНЕНЬКАЯ

*«Дежурненькая, дайте Полюс!»
(Разговор на междугородной)*

Дежурная на телефоне,
а мир у ней, как на ладони:
толкнешь ладонью — и слегка,
как школьный глобус от щелчка,
закачается
и завращается.
Наверно, весело и лихо
сквозь голосов неразбериху
найти Париж, сказать Москве:
«Я — Ялта! Дай минутки две.
Две минутки — это шутки.
Я — Ялта. Дай мне три минутки».
Наверно, хорошо рукою
ловить пространство, что рекою

течет сквозь пальцы, но, как рана,
срастется поздно или рано.
«Я — Ялта! И сто раз на дню
я вас соединю».

Соединение влюбленных
и пунктов самых отдаленных,
льда с пламенем и ночи с днем,
за ночью — ночь и день за днем.
Всего разъятого слиянье.
Вот пафос! Вот ее сиянье!
— Дежурненькая! Дайте дали,
те, что мне час назад не дали.
Соедини, свяжи, сведи,
как сваха, с миром мир сведи,
ты, человечества отросточек,
вселенной людный перекресточек!

ТОЛПА НА ТЕАТРАЛЬНОЙ ПЛОЩАДИ

Толпа на Театральной площади.
Вокруг столичный люд шумит.
Над ней четыре мощных лошади,
Пред ней экскурсовод стоит.
У Белорусского и Курского
Смотреть Москву за пять рублей
Их собирали на экскурсию,
Командировочных людей.
Я вижу пиджаки стандартные —
Фасон двуборт и одноборт,

Косоворотки аккуратные,
Косынки тоже первый сорт.
И старые и малолетние
Глядят на бронзу и гранит, —
То с горделивым удивлением
Россия на себя глядит.
Она копила, сэкономила,
Она вприглядку чай пила,
Чтоб выросли заводы новые,
Громады стали и стекла.
И нету робости и зависти
У этой вот России — к той,
И та Россия этой нравится
Своей высокой красотой.
Здрав башку и тщетно сялясь
Запомнить каждый новый вид,
Стоит хозяин и кормилец,
На дело рук своих глядит.

2

СОН

Утро брезжит, а дождик брызжет.
Я лежу на вокзале в углу.
Я еще молодой и рыжий,
Мне легко на твердом полу.
Еще волосы не поседели,
И товарищей милых ряды
Не стеснились, не поредали
От победы и от беды.

Засыпаю, а это значит:
Засыпает меня, как песок,
Сон, который вчера был начат,
Но остался большой кусок.
Вот я вижу себя в каптерке,
А над ней снаряды снуют.
Гимнастерки? Да, гимнастерки!
Выдают нам? Да, выдают!
Девятнадцатый год рожденья —
Двадцать два в сорок первом году —
Принимаю без возраженья,
Как планиду и как звезду.
Выхожу, двадцатидвухлетний
И совсем некрасивый собой,
В свой решительный, и последний,
И предсказанный песней бой.
И стремительный Ленин мне снится:
С пьедестала он сходит в тиши
И, протягивая десницу,
Пожимает мою от души.

ГОРА

Ни тучки. С утра — погода,
И, значит, снова тревоги.
Октябрь сорок первого года.
Неспешно плывем по Волге —
Раненые, больные,
Едушие на поправку,

Кроме того, запасные,
Едущие на формировку.
Я вместе с ними еду,
Имею рану и справку.
Талоны на три обеда,
Мешок, а в мешке литровку.
Радио, черное блюдо,
Тоскливо рычит несчастья:
Опять города сдаются,
Опять отступают части.
Кровью бинты промокли,
Глотку сжимает ворот.
Все мы стихли, примолкли.
Но подплывает город.
Улицы ветром продуты.
Рельсы звенят под трамваем.
Здесь погрузим продукты.
Вот к горе подплываем.
Гора печеного хлеба
Вздымала рыжие ребра,
Тянула вершину к небу,
Глядела разумно, добро,
Глядела достойно, мудро,
Как будто на все отвечала.
И хмурое, зябкое утро
Тихонько ее освещало.
К ней подъезжали танки,
К ней подходила пехота,
И погружали буханки.
Целые пароходы
Брали с собой, бывало.
Гора же не убывала

И снова высила к небу
Свои пеклеванные ребра.
Без жадности и без гнева.
Спокойно. Разумно. Дóбро.
Покуда солдата с тыла
Ржаная гора обстала,
В нем кровь еще не остыла,
Рука его не устала.
Не быть стране под врагами,
А быть ей доброй и вольной,
Покуда пшеница с нами,
Покуда хлеба довольно,
Пока, от себя отрывая
Последние меры хлеба,
Бабы пекут караваи
И громоздят их — до неба!

ЛОШАДИ В ОКЕАНЕ

И. Эренбургу

Лошади умеют плавать,
Но — не хорошо. Недалеко.
«Глория» — по-русски значит «Слава», —
Это вам запомнится легко.
Шел корабль, своим названьем гордый.
Океан старался превозмочь.
В трюме, добрыми мотая мордами,
Тыща лошадей топталась день и ночь.
Тыща лошадей! Подков четыре тыщи!

Счастья все ж они не принесли.
Мина кораблю пробила днище
Далеко-далёко от земли.
Люди сели в лодки, в шлюпки влезли.
Лошади поплыли просто так.
Как же быть и что же делать, если
Нету мест на лодках и плотях?
Плыл по океану рыжий остров.
В море, в синем, остров плыл гнедой.
И сперва казалось — плавать просто,
Океан казался им рекой.
Но не видно у реки той края.
На исходе лошадиных сил
Вдруг заржали кони, возражая
Тем, кто в океане их топил.
Кони шли на дно и ржали, ржали,
Все на дно покуда не пошли.
Вот и все. А все-таки мне жаль их,
Рыжих, не увидевших земли.

* * *

Умирают мои старики —
Мои боги, мои педагоги,
Прологатели торной дороги,
Где шаги мои были легки.

Вы, прикрывшие грудью наш возраст
От ошибок, угроз и прикрас,

Неужели дешевая хворость
Одолела, осилила вас?

Умирают мои старики,
Завещают мне жить очень долго,
Но не дольше, чем нужно по долгу,
По закону строфы и строки.

КЕЛЬНСКАЯ ЯМА

Нас было семьдесят тысяч пленных
В большом овраге с крутыми краями.
Лежим безмолвно и дерзновенно,
Мрем с голодухи в Кёльнской яме.
Над краем оврага утоптана площадь —
До самого края спускается криво.
Раз в день на площадь выводят лошадь,
Живую сталкивают с обрыва.
Пока она свергается в яму,
Пока ее делим на доли неравно,
Пока по конине молотим зубами, —
О бюргеры Кёльна, да будет вам срамно!
О граждане Кёльна, как же так?
Вы, трезвые, честные, где же вы были,
Когда зеленее, чем медный пятак,
Мы в Кёльнской яме с голоду выли?
Собрав свои последние силы,
Мы выскребли надпись на стенке отвесной,
Короткую надпись над нашей могилою! —

Письмо солдату Страны Советской:
«Товарищ боец, остановись над нами,
Над нами, над нами, над белыми костями.
Нас было семьдесят тысяч пленных,
Мы пали за Родину в Кёльнской яме!»
Когда в подлецы вербовать нас хотели,
Когда нам о хлебе кричали с оврага,
Когда патефоны о женщинах пели,
Партийцы шептали: «Ни шагу, ни шагу...»
Читайте надпись над нашей могилой!
Да будем достойны посмертной славы!
А если кто больше терпеть не в силах,
Партком разрешает самоубийство слабым.
О вы, кто наши души живые
Хотели купить за похлебку с кашей,
Смотрите, как, мясо с ладоней выев,
Кончают жизнь товарищи наши!
Землю роем, скребем ногтями,
Стоном стонем в Кёльнской яме.
Но все остается, как было, как было!
Каша с вами, а души с нами.

ГОСПИТАЛЬ

Еще скребут по сердцу «мессера»,
Еще вот здесь безумствуют стрелки,
Еще в ушах работает «ура»,
Русское «ура-рарара-рарара!» —
На двадцать слогов строки.

Здесь ставший клубом бывший сельский
храм —

Лежим под диаграммами труда,
Но прелым богом пахнет по углам —
Попа бы деревенского сюда!
Крепка анафема, хоть вера не тверда.
Попишку бы лядащего сюда!
Какие фрески светятся в углу!
Здесь рай поет! Здесь ад ревмя ревет!
На глиняном нетопленном полу
Томится пленный, раненный в живот.
Под фресками в нетопленном углу
Лежит подбитый унтер на полу.
Напротив на приземистом топчане
Кончается молоденький комбат.
На гимнастерке ордена горят.
Он... Нарушает... Молчанье...
Кричит! (Шепотом — как мертвые кричат.)
Он требует как офицер, как русский,
Как человек, чтоб в этот крайний час
Зеленый, рыжий, ржавый унтер прусский
Не помирал меж нас!
Он гладит, гладит, гладит ордена,
Оглаживает, тянет гимнастерку
И плачет, плачет, плачет горько,
Что эта просьба не соблюдена.
А в двух шагах, в нетопленном углу,
Лежит подбитый унтер на полу.
И санитар его, покорного,
Уносит прочь, в какой-то дальний зал,
Чтобы он своею смертью черной
Нашей светлой смерти не смущал.

И снова ниспадает тишина.
И новобранцу свидетельствуют воины:
— Так вот оно, какая здесь война!
Тебе, видать, не нравится она —
Попробуй перевоевать по-своему!

ИВАНЫ

Рассказывают,
 что вино развязывает
Завязанные насмерть языки,
Но вот вам факт, как, виду не показывая,
Молчали на допросе «мужики».
Им водкой даровою в душу лезут ли,
Им пыткой ли пятки горячат, —
Стоят они, молчат они, железные!
Лежат они, болезные, молчат!
Не выдали они того, что ведали,
Не продали врагам родной земли
Солдатского пайка военных сведений,
Той малости, что выдать бы могли.
И, трижды обозвав солдат Иванами,
Четырежды им скулы расклевав,
Их полумертвыми и полупьяными
Поволокли приканчивать в подвал.
Зато теперь, героям в награждение,
Иных имен отвергнувши права,
Иваном называет при рождении
Каждого четвертого Москва.

* * *

Последнею усталостью устав,
Предсмертным умиранием охвачен,
Большие руки вяло распластав,
Лежит солдат.
Он мог лежать иначе,
Он мог лежать с женой в своей постели,
Он мог не рвать намокший кровью мох,
Он мог...
Да мог ли? Будто? Неужели?
Нет, он не мог.
Ему военкомат повестки слал.
С ним рядом офицеры шли, шагали.
В тылу стучал машинкой трибунал.
А если б не стучал, он мог?
Едва ли.
Он без повесток, он бы сам пошел.
И не за страх — за совесть и за почесть.
Лежит солдат — в крови лежит, в большой,
А жаловаться ни на что не хочет.

.

ГОЛОС ДРУГА

Давайте после драки
Помашем кулаками:
Не только пиво-раки
Мы ели и лакали,
Нет, назначались сроки,

Готовились бои,
Готовились в пророки
Товарищи мои.

Сейчас все это странно,
Звучит все это глупо.
В пяти соседних странах
Зарыты наши трупы.
И мрамор лейтенантов —
Фанерный монумент —
Венчанье тех талантов,
Развязка тех легенд.

За наши судьбы (личные),
За нашу славу (общую),
За ту строку отличную,
Что мы искали ощупью,
За то, что не испортили
Ни песню мы, ни стих,
Давайте выпьем, мертвые,
Во здравие живых!

* * *

Я говорил от имени России,
Ее уполномочен правотой,
Чтоб излагать с достойной прямою
Ее приказов формулы простые.
Я был политработником. Три года:
Сорок второй и два еще потом.

Политработа — трудная работа.
Работали ее таким путем:
Стою перед шеренгами неплотными,
Рассеянными час назад в бою,
Перед голодными, перед холодными,
Голодный и холодный — так! Стою.
Им хлеб не выдан, им патрон недодано,
Который день поспать им не дают.
И я напоминаю им про Родину.
Молчат. Поют. И в новый бой идут.

Все то, что в письмах им писали из дому,
Все то, что в песнях с их судьбой сплелось,
Все это снова, заново и сызнава
Коротким словом — Родина — звалось.
Я этот день,
Вспоминанье это,
Как справку собираюсь предъявить
Затем, чтоб в новой должности — поэта,
От имени России говорить.

КНИГИ Б. А. СЛУЦКОГО

(Библиографическая справка)

«Память», издательство «Советский писатель», 1957, Москва.

«Время», издательство «Молодая гвардия», 1959, Москва.

«Сегодня и вчера», издательство «Молодая гвардия», 1963,
Москва.

«Работа», издательство «Советский писатель», 1964, Москва.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя	3
--------------------------	---

1

Школа для взрослых	5
Медные деньги	6
Гудки	7
«Броненосец «Потемкин»	8
Баня	9
Перерыв	11
На выставке детских рисунков	12
Физики и лирики	13
Пластинка	14
Березка в Освэнциме	15
Мои товарищи	16
Декабрь 41-го года	16
Дежуренькая	17
Толпа на Театральной площади	18

2

Сон	19
Гора	20
Лошади в оксане	22
«Умирают мои старики...»	23
Кёльнская яма	24
Госпиталь	25
Иваны	27
«Последнюю усталостью устав...»	28
Голос друга	28
«Я говорил от имени России...»	29

Слуцкий Борис Абрамович

ИЗБРАННАЯ ЛИРИКА. М., «Молодая гвардия». 1965.
32 с. («Б-чка избранной лирики»)

P2

Редактор *И. Грудев*
Художник *А. Власова*

Худож. редактор *Н. Коробейников*
Техн. редактор *Л. Коноплева*

A02698 Подп. к печ. 17/VI 1965 г. Бум. 70×108¹/₃₂. Печ. л. 1(1.4).
Уч.-изд. л. 1.1. Тираж 165 000 экз. Заказ 1081. Цена 6 коп. СПХЛ
1965 г. № 541. Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвар-
дия». Москва, А-30, Сушевская, 21.

0.30

6 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ